

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Г. К. ВЕНЕДИКТОВ

ДИАЛЕКТНАЯ ОСНОВА БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И БОЛГАРСКОЕ КНИГОПЕЧАТАНИЕ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

В основе современного болгарского литературного языка лежат, как известно, говоры восточноболгарского наречия. Роль западноболгарских элементов в структуре современного литературного языка, однако, полностью никем не отрицается, хотя место этих элементов в ней определяется современными учеными по-разному, при этом обычно отмечается и постепенное их увеличение в структуре литературного языка. Бесспорно, что главенствующая роль Софии в общественно-политической и культурной жизни страны накладывает и, надо думать, будет накладывать и впредь отпечаток на соотношение западно- и восточноболгарских элементов в структуре литературного языка. Отражением постепенного возрастания элементов западного наречия — более заметных в устной речи, чем в письменном языке интеллигенции из западных областей Болгарии, — являются, между прочим, требования многих современных деятелей культуры признать некоторые особенности западных говоров в качестве нормы литературного языка. Несмотря на очевидную тенденцию некоторого усиления роли западных говоров в современной структуре литературного языка, восточноболгарские элементы по-прежнему занимают в ней главное место, и диалектная основа литературного языка остается, таким образом, восточноболгарской¹.

Что касается более точной — в пределах восточного наречия — локализации диалектной основы, то обычно указываются северо-восточные диалекты или один из диалектов (говоров) северо-восточной Болгарии. Так, анализ и обобщение данных, содержащихся в исследованиях по истории литературного языка, позволяют, как отмечает Л. Андрейчин, «яснее, чем до сих пор, увидеть... восточную (северо-восточную) диалектную основу современного литературного языка»². Большинство ученых в настоящее время считает, что этот язык сформировался на более узкой диалектной основе, а именно на базе балканского диалекта (Л. Андрейчин, С. Стойков, С. Стоянов, Х. Кодов и др.)³. Иногда указывается и еще

¹ См.: Л. А н д р е й ч и н, Взаимодействие между народен език и книжовни влияния при формирането на новобългарския книжовен език, БЕ, 1963, 4, стр. 346.

² Л. А н д р е й ч и н, Характер и произход на някои структурни особености на новобългарския книжовен език, «Славистичен сборник», София, 1963, стр. 168. См. также: Л. А н д р е й ч и н, На езиков пост, София, 1961, стр. 31—32 (на стр. 66 этой книги, впрочем, говорится о «восточных болгарских говорах» вообще, на основе которых возник литературный язык).

³ Нужно отметить, что, по мнению некоторых ученых, термины «северо-восточные говоры», «северо-восточные балканские говоры», которыми обозначаются утвердив-

более узкая диалектная база литературного языка, например, центральный балканский диалект (С. Стойков) или тырновский говор (Л. Андрейчи, С. В. Бернштейн).

Что же касается причин выдвижения говоров восточного наречия в качестве основы литературного языка, то они имеют внелингвистический характер. Главная из непосредственных причин состоит в том, что большинство писателей и других книжников того времени, когда складывались и утверждались его нормы, были родом из восточной Болгарии. На эту именно причину уже издавна указывают многие историки болгарского литературного языка⁴. Правда, есть некоторые различия в определении этого важного фактора. Одни ученые говорят о большинстве писателей или о большей части писателей, другие — о писателях преимущественно из восточных областей Болгарии. В одних случаях речь идет просто о писателях, в других — о наиболее крупных или выдающихся писателях, в третьих — не только о писателях, но и о других деятелях эпохи Возрождения (учителях, авторах учебной литературы, активных участниках церковной борьбы и др.).

Само то обстоятельство, что большая часть писателей и других книжников, прямо или косвенно причастных к устройству литературного языка, была родом из областей восточной Болгарии и, следовательно, утверждала восточные (северо-восточные) говоры как язык школ, литературы и т. д., не было случайным. Оно объясняется историко-экономическими условиями, которые сложились на болгарских землях к середине XIX в. и которые характеризуются тем, что именно область центральной части Старой Планины и Средней Горы стала экономическим (торгово-промышленным) центром болгарских земель. Ведущее положение этой области в экономической жизни формировавшейся нации привело к тому, что восточноболгарский элемент постепенно утверждается и в других сферах — культурной и политической — жизни болгар. В таких условиях восточноболгарская речь постепенно и утвердилась в качестве «естественной» базы оформления общенациональной литературной системы языка⁵.

Однако глубокое и всестороннее исследование всего комплекса внелингвистических причин, обусловивших общий характер и специфические особенности функционирующего ныне литературного языка, в том числе и его восточноболгарскую диалектную основу, остается одной из важных задач не только языковедов — историков литературного языка, но и специалистов в области истории, литературы, культуры эпохи Возрождения. До недавнего времени изучение формирования этого языка было уделом почти исключительно языковедов, которые, однако, исследуя эту проблему, недостаточно глубоко и конкретно разрешали вопрос о связи формирования и развития литературного языка с историей народа и ограничивались, как правило, более или менее общими констатациями историко-культурных факторов, определивших характер и диалектную основу литературного языка. Что касается историков эпохи Возрождения, то они рассматриваемой здесь проблеме почти совсем не уделяли внимания⁶, причем и в последние годы в конкретном исследовании внелингви-

пшиеся в качестве основы литературного языка говоры, не совсем удачны, ибо территориальное положение этих говоров не вполне соответствует географическому понятию «северо-восточная Болгария». В. Георгиев считает, что более удачно и потому предпочтительнее для обозначения этих говоров термин «центрально-восточные говоры» (см.: В. Георгиев, И. Дурданов, Езикознание, 2-е изд., София, 1965, стр. 269).

⁴ См.: Л. Андрейчин, Някои въпроси околу възникването и изграждането на българския книжовен език във връзка с историческите условия на нашето Възраждане, БЕ, 1955, 4, стр. 313.

⁵ Там же.

⁶ См. об этом: там же, стр. 311.

стических причин формирования литературного языка не произошло существенных сдвигов. Однако нельзя не отметить того, что необходимость совместного изучения этих причин в настоящее время осознается и самими историками. Так, В. Паскалева, указывая, что «настало время объединить усилия историков и языковедов в разработке этого важного вопроса», отмечает некоторые общие недостатки в существующей языковедческой и филологической литературе, посвященной данному вопросу, и с полным основанием констатирует, что для его решения «языковедам не хватает во многих случаях исследований в области истории болгарской культуры», а «историкам — исследований в области истории болгарского литературного языка»⁷.

Предлагаемый ниже обзор болгарских печатных изданий эпохи Возрождения может послужить одним из материалов для исследования проблемы формирования современного литературного языка и языковедами и историками. Цель этого обзора — определить территориально-диалектную принадлежность авторов печатных книг эпохи Возрождения, общее количество авторов и изданных ими книг, «приходящихся» на долю отдельных диалектов (говоров). Полученные данные, несмотря на их предварительное и вспомогательное значение, позволят более обоснованно судить о некоторых важных вопросах истории современного болгарского литературного языка. К их числу относится, в частности, и вопрос о более узкой локализации диалектной основы формировавшегося в эпоху Возрождения литературного языка, а также вопрос о том, какими на деле были возможности у отдельных болгарских диалектов утвердиться в качестве его основы в существовавших тогда условиях и каковы были их реальные возможности воздействовать на его развитие.

По вопросу о более узкой локализации диалектной основы литературного языка среди ученых, как известно, нет единого мнения. Указание же просто на восточное или даже на северо-восточное наречие как на основу этого языка, которым нередко, особенно в прошлом, дело и ограничивается, слишком общо и неточно, ибо оно нивелирует вклад отдельных диалектов (говоров) восточной Болгарии в создание норм литературного языка. В свое время С. Младенов ставил в упрек А. Теодорову-Балану то, что, указывая на восточную диалектную основу литературного языка, тот не определял точнее, какие именно говоры восточного наречия имеются в виду⁸. Полтора десятилетия назад Л. Андрейчин писал: «Задача будущих более конкретных лингвистических и исторических исследований будет состоять в том, чтобы установить более точно диалектную территорию, на которой возник болгарский литературный язык: указание на восточноболгарские или уже — на северовосточноболгарские или же на балканские говоры — в данном случае очень общо»⁹. Эта задача не утратила своей актуальности и в настоящее время, несмотря на то, что за последние годы был опубликован ряд ценных исследований Л. Андрейчина и других ученых, в которых рассматривается проблема диалектной основы современного литературного языка.

Относительно роли и места отдельных диалектов и говоров (исключая центральный балканский и некоторые другие) в окончательном формировании современной структуры литературного языка имеются лишь общие утверждения в том смысле, что и другие диалекты (говоры) тоже прини-

⁷ В. Паскалева, За някои особености и фактори в образуването на българската нация през първата половина на XIX в., «Известия [на Института за история при Българската академия на науките]», 16—17, 1966, стр. 432.

⁸ С. Младенов, Основни и второстепенни въпроси из новобългарска граматика, «Списание на Българската академия на науките», 38, 1934, стр. 53.

⁹ Л. Андрейчин, Някои въпроси..., стр. 313.

мали участие в этом важном процессе и что некоторые из них явились источником отдельных элементов этой структуры (например, македонское происхождение дееспричастий на *-йки*). Пожалуй, больше известно о роли западноболгарских диалектов (говоров), которые, однако, рассматриваются обычно недифференцированно и как целое (западное наречие) противопоставляются или сопоставляются с восточными говорами как другим целым (восточным наречием). Не случайно Л. Андрейчин, приступая к характеристике некоторых структурных особенностей современного литературного языка и роли «различных диалектных разновидностей народной речи» в его создании, делает существенную и весьма показательную в этом отношении оговорку, что «понятиями восточные и западные говоры пока приходится пользоваться по необходимости в более общем смысле»¹⁰.

Целесообразность обзора всей книжной продукции эпохи Возрождения в указанном выше плане диктуется и тем обстоятельством, что и утверждение определенной диалектной основы литературного языка, и нормализация его в целом шли главным образом и прежде всего книжным (письменным) путем — через книгу, журнал, газету, через печатное слово писателей, грамматистов, публицистов, издателей и др. Несмотря на существовавший в течение нескольких десятилетий XIX в. значительный разноречивый в языке (в грамматике, орфографии и др.) самих печатных изданий, последние вместе с тем были в конечном счете основным средством преодоления этого разноречия и установления единых и общеобязательных для образованных болгар норм языка. Именно на страницах печатных изданий главным образом ломали копыта и оставляли следы присережницы разных точек зрения («доктрин») на характер и нормализацию литературного языка, здесь одни диалекты теснили другие, здесь же были выработаны и установлены основные положения действующей и ныне «конституции» литературного языка. Кроме книжного пути (через печатную книгу), литературный язык в целом и его диалектная основа, в частности, утверждались также и устным путем. Однако этот путь имел бесспорно второстепенное, гораздо менее существенное значение, чем книжный.

Предпринимая обзор печатных изданий на болгарском языке эпохи Возрождения с указанной выше целью, мы исходим из того, что в условиях складывания единых норм болгарского литературного языка на основе народно-разговорной речи (при том, что с самого начала этого процесса не был выдвинут определенный диалект в качестве общепризнанной основы этого языка) авторы книг и других сочинений, как правило, широко отражают в них особенности своих родных говоров, а нередко и пишут на чистом диалекте. Собственно говоря, включение особенностей тех или иных местных говоров в формировавшийся общеполитический литературный язык могло происходить прежде всего и главным образом благодаря книжной деятельности уроженцев территорий соответствующих говоров. Авторов печатных книг можно поэтому в принципе рассматривать как своего рода репрезентантов их родных диалектов (говоров), принимавших участие в формировании литературного языка. Имея это в виду и зная, уроженцами каких мест были авторы, можно составить предварительное, но достаточно обоснованное суждение о том, какие диалекты (говоры) нашли или по крайней мере могли найти отражение в письменности данной эпохи, и тем самым выяснить, какие диалекты (говоры) могли реально принять участие в междиалектной конкурентной борьбе за право составить основу литературного языка.

¹⁰ Л. Андрейчин, Характер и происход на някои структурни особености на новобългарския книжовен език, стр. 155.

Разумеется, даже в условиях складывания единых норм литературного языка и утверждения его диалектной основы само по себе место рождения авторов еще не может или далеко не всегда может говорить о безусловном — широком или ограниченном — отражении ими родного диалекта (говора) в своих оригинальных или переводных сочинениях. В каждом конкретном случае могут быть свои особенности как в следовании автором родному говору, так и во включении им в язык собственных сочинений (переводов) элементов иных говоров. Сами данные о местах рождения авторов самостоятельных или переводных печатных книг, следовательно, могут иметь в некоторых случаях лишь относительное значение для выяснения вопроса о диалектной принадлежности языка (основы языка) этих книг и об утверждении определенной диалектной основы литературного языка в целом. Здесь необходимо учитывать, прежде всего, следующее.

Во-первых, авторы (переводчики) отдельных книг не могли последовательно отражать особенности говора местности, из которой они происходят, в силу разных обстоятельств. Хорошо известно, например, что, покинув родной город или село и находясь в течение длительного времени за пределами распространения родного говора (нередко и в иноязычном окружении, что было весьма характерно для жизни немалого числа болгарских деятелей эпохи Возрождения), автор мог забыть или знать очень плохо родной говор, точнее — говор места своего рождения. Естественно, что такие авторы, стараясь писать чисто по-болгарски, вносили в язык своих сочинений элементы других говоров, известные им из общения с болгарами иных областей или из печатных изданий.

Во-вторых, известно, что некоторые авторы обучались в нескольких школах и у разных учителей, представлявших разные диалектные области Болгарии и придерживавшихся различных взглядов на характер литературного языка вообще и на его диалектную базу, в частности. Естественно, что это обстоятельство накладывало известный отпечаток на отношение таких авторов к особенностям их родного и других (неродных) говоров и к отражению особенностей этих говоров в их сочинениях.

В-третьих, некоторые авторы, как известно, сознательно пытались синтезировать особенности разных говоров, так что основа языка их произведений в большей или меньшей степени оказывалась полидиалектной. Правда, в языке с подобного рода синтезированной, полидиалектной основой все же особенности одного говора обычно выступают более ярко, создавая впечатление о главенствующем месте этого говора в языке произведений.

В-четвертых, язык отдельных авторов не был неизменным в отражении особенностей их родных говоров. По мере стабилизации норм литературного языка на центрально-балканской диалектной основе некоторые авторы, ранее широко вводившие в язык своих произведений местные особенности, начинают ограничивать употребление или вообще отказываются от употребления специфических, узколокальных элементов родного говора и взамен них начинают использовать элементы системы литературного языка, утверждавшейся на указанной диалектной основе. Наряду с этим постепенная стабилизация норм литературного языка приводила к тому, что другие авторы уже с самого начала своей литературной (переводческой и др.) деятельности, т. е. в первых своих произведениях, могли, а в известной мере уже и должны были следовать нормам именно этого языка, отказываясь тем самым в большей или меньшей степени от особенностей своих родных говоров.

Следует иметь в виду и такое важное обстоятельство как влияние книжной (письменной) традиции, которое несомненно сказывалось, хотя и не

в одинаковой степени у разных авторов, на известном преодолении (по крайней мере в письменной разновидности складывавшегося литературного языка) отдельных локальных диалектных черт, особенно звуковых.

Мы отдаем себе отчет, таким образом, в том, что диалектную основу языка печатных сочинений эпохи Возрождения не всегда и далеко не в полной мере могут представлять говоры места рождения их авторов, и в том, следовательно, что между местом рождения авторов и утверждением определенной диалектной основы литературного языка в целом нельзя усматривать абсолютно прямой зависимости.

Несмотря на указанные и некоторые другие, не указанные здесь, оговорки, представляется все же целесообразным рассмотреть вопрос о том, какой была реальная доля участия диалектных областей Болгарии в «поставке» авторов разного рода печатных сочинений на болгарском языке и каким был абсолютный и относительный вклад авторов этих областей в издание книг — наиболее существенной сферы функционирования письменной разновидности складывавшегося литературного языка в эпоху Возрождения.

Общее количество авторов и изданных ими книг было установлено по самому полному библиографическому указателю литературы эпохи Возрождения, составленному М. Стояновым¹¹. В этом указателе под фамилией каждого «книжника» (болг. «книжовник») — писателя, переводчика, книгоиздателя и пр. — указаны «все материалы (книги, статьи, корреспонденции, художественные произведения, заметки, объявления и др.), о которых известно, что они им написаны, переведены или переработаны или автором которых его как издателя, лица, заботившегося об издании или оплатившего расходы по изданию книги и др., можно считать в соответствии с принятым расширенным понятием „книжника“»¹².

Нужно, однако, иметь в виду, что, желая «оказать помощь будущим исследованиям», составитель БВК при некоторых авторах «поместил и кое-какие сомнительные работы с соответствующей пометой» (БВК, I, стр. X). Так, авторство некоторых книг в БВК дано со ссылкой на мнение других исследователей (А. Теодорова-Балана, В. Потгорелова, Н. Начова и др.). Например, перевод Б. Петковым брошюры «Нешо за безграмотните человери» (1-е изд., Смирна, 1843; 4-е изд., Цариград, 1862) указан со ссылкой на Н. Начова (БВК, I, стр. 283). В редких случаях в БВК называются разные точки зрения на авторство одной и той же книги, одну из которых принимает и составитель БВК. Так, брошюра «Психология или душесловие за учение на децата» (1-е изд., Смирна, 1844; 3-е изд.,

¹¹ М. Стоянов, *Българска възрожденска книжнина, I—II*, София, 1957—1959 (далее: БВК). После выхода в свет этого указателя было обнаружено еще небольшое количество книг на болгарском языке, изданных до Освобождения Болгарии. О некоторых из таких книг, хранящихся в библиотеках СССР, мы уже имели случай сообщить. О других нам известно, что они хранятся в Отделе рукописей и старопечатных книг в Софийской библиотеке им. Кирилла и Мефодия. Число вновь найденных книг невелико, и поскольку их авторство за редким исключением нам не известно, они здесь не принимаются во внимание.

¹² БВК, I, стр. X. М. Стоянов, таким образом, несколько расширительно понимает авторство, распространяя его и на такие издания, о которых фактически нет точных данных о бесспорной принадлежности их текста определенным лицам. Действительно, только сведения о том, что данное лицо является издателем книги или что оно финансировало ее издание, не могут быть убедительным доказательством принадлежности его авторства именно этому лицу. Это касается прежде всего некоторых изданий известных болгарских книгоиздателей — Н. Ивановича, Х. Данова, Д. Манчева и др. Но так как в каждом конкретном случае невозможно установить, когда составитель БВК при определении авторства отдельных книг опирается на совершенно бесспорные данные об авторстве, а когда на менее достоверные, то исключить такие издания из дальнейшего обозрения не представляется возможным, и мы во всех таких случаях следуем за М. Стояновым.

Цариград, 1861), по мнению Н. Начова, переведена Б. Петковым, а по мнению И. Шишманова — К. Фотиновым. Составитель БВК принимает точку зрения Н. Начова. Во всех аналогичных случаях мы принимаем в качестве автора сочинения или перевода того, кто указан в БВК.

Хронологические рамки нашего обзора ограничиваются 1806—1877 гг.: выходом в свет в 1806 г. первой болгарской печатной книги, какою был известный «Кириакодромион», или «Недельник» Софонрия Врачанского¹³, с одной стороны, и Освобождением Болгарии (1877—1878 гг.), с другой стороны. Таковы хронологические рамки библиографии, содержащейся в БВК¹⁴. В истории современного болгарского литературного языка это в общем именно тот период, представляющий начальную стадию его развития, когда был определен тип литературного языка, базирующийся прежде всего на народно-разговорной речи, и установлена его диалектная основа и когда стабилизировались его важнейшие нормы (прежде всего в области грамматики и в меньшей мере в области лексики и орфоэпии, а также и орфографии).

При определении круга принимаемых во внимание авторов и изданных ими книг нами сделаны некоторые необходимые ограничения.

В отношении авторов ограничения сводились к следующему.

Во-первых, во внимание принимались только те болгарские авторы, кто издал хотя бы одну книгу или брошюру на болгарском языке, и лишь те из них, родным языком которых был болгарский. Болгары — авторы книг только на иностранных языках (турецком, румынском, русском и др.) из нашего обзора исключаются, ибо их книги стояли, по понятным причинам, совершенно на стороне от развития болгарского литературного языка. Авторы же, родным языком которых не был болгарский, также не учитываются, ибо болгарский язык их произведений без специального изучения трудно отнести к определенной диалектной территории. Исключение сделано только для родившегося в Мелнике Е. Васкидовича — автора нескольких книг, который, хотя и был, по-видимому, греком по национальности (см. БВК, I, стр. 44), сыграл заметную роль в развитии просвещения в Болгарии в 30—50-е годы. Авторов не болгар, издавших книги на болгарском языке, было четверо: двое сербов — К. Огнянович и Р. Душманова, один русский — Г. М. Владикин и один армянин — Т. Дивитчиан. Наиболее известными среди них были бесспорно К. Огнянович и Т. Дивитчиан, внесшие значительный вклад в болгарское книгопечатание как книгоиздатели и владельцы болгарских типографий. К. Огнянович был известен и как автор-составитель популярных в свое время книг-календарей.

В обзор включены, во-вторых, только те болгары — авторы книг на болгарском языке, место рождения которых известно, и оно было в пределах болгарской языковой территории. Место рождения принимается то, которое указано в БВК в краткой биографической справке об авторе. При отсутствии соответствующего указания в справке место рождения некоторых авторов условно устанавливается нами на основании содержащихся в книгах (обычно в их полных титульных названиях) данных типа *шюмненец*, *панагюрец* и под. [ср., например: «Наредил и издал Иван Попдойчов (панагюрец)», «Издава х. Йордан Х. Вълков, шюмнениц» и др.] или типа «от Шумен», «от Цип» (ср.: «Издава Константин

¹³ Впрочем вполне возможно, что фактически первой болгарской печатной книгой, увидевшей свет, был не «Кириакодромион» Софонрия Врачанского, а вышедший в том же году «Молитвенный крик», в настоящее время известный пока только по библиографическим и некоторым другим, весьма скудным, данным.

¹⁴ Издания 1878 г. нами не учитываются, потому что, как это отмечает и М. Стоянов (см. БВК, I, стр. 496), список изданий за этот год в БВК неполный.

Анастасов от Шип» и др.), которые обычно свидетельствуют о происхождении (месте рождения) лиц из соответствующих населенных пунктов (в данных примерах — из Шумена, Панагюриште и Штипа).

Авторы, место рождения которых неизвестно, и авторы, родившиеся вне пределов болгарской языковой территории, из обзора исключаются. К числу авторов с неустановленным местом рождения отнесены и те, о которых БВК сообщает данные о месте их жизни, общественной и прочей деятельности, например: «живял в Плоещ и Олтеница» (А. Чернев), «учител и книгоиздател в Котел» (Д. Великов), «училищен и читалищен деец в Цариград» (Н. Богданов), «учител и общественник в Пазарджик и Одрин» (К. Василиев), «учител в Аджар (Снежен), Карловско» (С. Маринов), «печатар и журналист в Цариград» (И. Дочков), «ескизагарски економ» (Н. Зафиров) и др.; ср. также и «преселец от Македония в Търново» (А. Никопит). Такие данные явно недостаточны для установления места рождения упомянутых здесь и некоторых других авторов. К числу авторов неизвестного места рождения относятся и несколько полупонимных, например: Петър К., Петрович, П. И. Ст-в; ср. также: А. А., А. П., И. К. А., Н. Г. М., С. Г., С. К. и даже «Искренний ваш приятел». Общее число авторов, место рождения которых не установлено, довольно значительно — 55. Их перу принадлежит 80 изданий. Большинство из них издало по одной книге. Это, как правило, малоизвестные или почти неизвестные деятели Возрождения, за исключением, пожалуй, только Василия Невовича и Димитрия Тошковича.

Авторов болгар, родившихся вне пределов болгарской языковой территории, немного — 16. Их перу принадлежит 27 изданий. В числе этих авторов шесть уроженцев Баната, один уроженец Сербии, один уроженец Румынии, семь уроженцев России (Бессарабия, Приазовье), один уроженец Иерусалима. Эти авторы исключаются из обзора потому, что «привязать» их к определенному пункту метрополии или вообще невозможно без тщательного специального анализа языка их книг, или можно лишь условно (например, М. Пашова, родившегося в Иерусалиме, можно было бы условно отнести к уроженцам Сливена, а И. Мынзова, родившегося в Браиле, — к уроженцам Лясковца на том основании, что родители первого были родом из Сливена, а родители второго — из Лясковца).

В отношении самих изданий ограничения сводятся к следующему.

Во-первых, во внимание приняты, естественно, только издания на болгарском языке, включая и такие, которые можно было бы охарактеризовать как церковнославянско-болгарские, т. е. такие, в которых наряду с элементами народно-разговорной речи выступают — в большей или меньшей мере — и элементы церковнославянского языка (произведения Софрония Врачанского, Кирилла Пейчиновича, некоторые произведения Христати Павловича и др.). Однако издания на собственно церковнославянском языке (преимущественно псалтири, часословы и другие издания богослужебного содержания) из обзора исключены, поскольку они непосредственно не влияли на утверждение определенной диалектной базы литературного языка.

Во-вторых, по указанным выше причинам, не приняты во внимание издания на болгарском языке не болгар, а также болгар, родившихся вне Болгарии, и болгар, место рождения которых не установлено, а также довольно многочисленная группа (свыше 250) анонимных изданий¹⁵. Примерно треть из них составляют разного рода издания обществ и организаций, школ, правительственных и церковных учреждений и др. К ним по существу примыкают и такие издания, в качестве авторов которых ука-

¹⁵ Список этих изданий см. в БВК, I, стр. 385—398.

зано несколько лиц, место рождения которых — всех или части из них — может быть и известно. Подобные издания не могут быть отнесены к определенному пункту (или нескольким пунктам) на карте, так как неизвестно, кто именно из указанных соавторов писал соответствующий текст или каково участие каждого из них в составлении текста. В тех случаях, когда издание имеет двух соавторов, условно принимается, что они оба в равной мере являются авторами текста, и потому такое издание учитывается дважды.

В-третьих, не приняты во внимание и такие издания, в которых собственно авторского текста (оригинального или переводного) практически нет. Речь идет о географических атласах, библиографических списках, изданиях или находившихся в продаже книг, так называемых «Взаимно-учительных таблиц» (для обучения письму) и др.

В-четвертых, не включены в обзор также издания, которые известны только по рекламным объявлениям в газетах и журналах или из других источников и фактический выход в свет которых не подтверждается достоверными данными. Однако здесь учтены издания, приведенные в БВК со ссылкой на авторитетные библиографические указатели В. Погорелова, А. Теодорова-Балана и др.

Посмотрим теперь, по каким географическим областям и по территориям каких диалектов (говоров) распределяются авторы и изданные ими книги в целом за время с 1806 г. по 1877 г.

Всего за этот период, согласно списку БВК, увидело свет 1832 издания¹⁶. В соответствии с указанными выше ограничениями из обзора мы исключаем 580 изданий. Таким образом, общее число изданий, которые принимаются во внимание ниже, составляет 1252. Эти издания принадлежат перу 263 авторов.

Уже карта № 1, изображающая «географию» мест рождения авторов, наглядно показывает крайнее неравномерное их распределение по областям Болгарии и соответственно по территориям разных диалектов. Обращает на себя внимание совсем незначительное число авторов возрожденческой литературы, родившихся во Фракии, и полное отсутствие уроженцев причерноморских районов. Показательно, например, что среди 263 авторов с установленным местом рождения нет ни одного уроженца Пловдива, болгарское население которого до середины XIX в. находилось под сильным греческим влиянием. Среди возрожденческих авторов не находим и уроженцев тех областей, которые до Освобождения Болгарии были заселены преимущественно турецким или болгаро-мусульманским населением (отдельные области в северной Болгарии, Родопы и др.). Довольно слабо представлены авторами некоторые области западной Болгарии, особенно ее северо-запад. Отметим также, что София — нынешняя столица Болгарии — дала болгарскому Возрождению только одного автора — М. Лазарова, который издал в 1858 и 1866 гг. две небольшие книжки. Другой автор (Г. Йопев) — родом из софийского села Сеславци — издал три книги (1850—1861 гг.). Всего софийский край за все время болгарского книгопечатания до Освобождения дал, таким образом, только двух авторов с пятью книгами. Возможно, авторов-софиянцев (как, впрочем, и уроженцев иных мест) было несколько больше, если допустить, что они входят и в число авторов с неустановленным пока местом рождения. Но

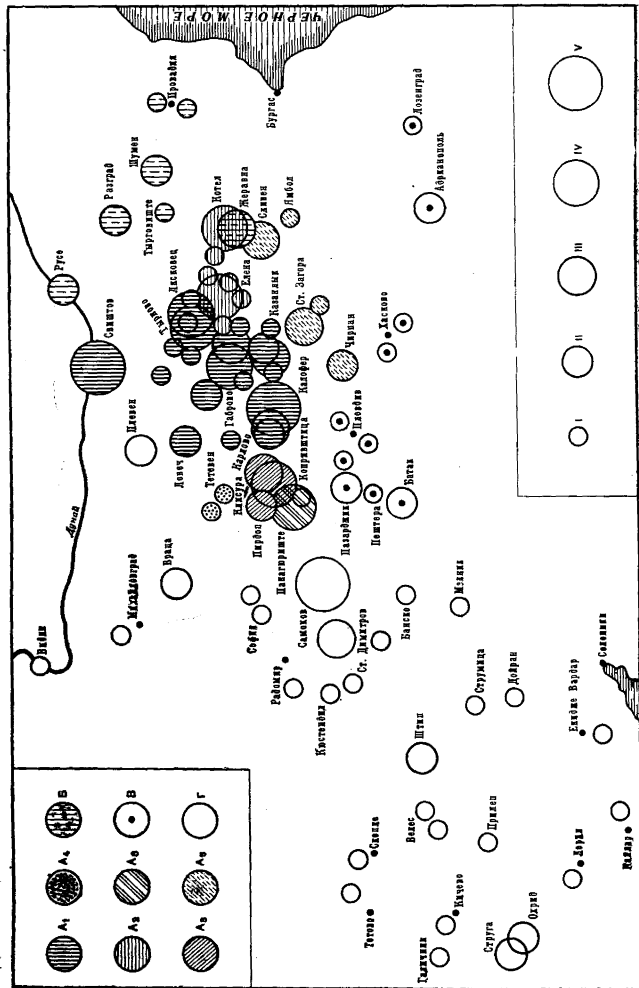
¹⁶ Все повторные издания одной и той же книги (брошюры) рассматриваются как отдельные издания (библиографические единицы) независимо от того, изменялся ли текст книги в разных изданиях или нет. Тома (части) книг рассматриваются в качестве отдельных изданий, если они имеют в БВК самостоятельное библиографическое описание.

Карта 4. Места рождения авторов книг, изданных в эпоху Возрождения.

Говоры. А. Говоры балканского диалекта:

1) центрально-балканский, 2) котельско-еленско-дряновский, 3) пирдопский, 4) тевенский, 5) панагорский, 6) подбалканский; Б. Малайские говоры; В. Русские говоры; Г. Говоры западной Болгарии и Македонии.

Количество авторов из одного населенного пункта: I — 1, II — 2—4; III — 5—8; IV — 9—13; V — 14 и более

и при таком допущении вряд ли могут быть сомнения в том, что до Освобождения Болгарии София не играла и не могла играть сколько-нибудь заметной роли в формировании литературного языка.

Как же распределяются авторы по областям?

На долю восточной Болгарии (включая и Фракию) приходится 211 авторов, а на долю западной Болгарии вместе с Македонией — 52, из которых 21 автор был родом из Македонии. Уроженцы восточноболгарских районов, таким образом, в четыре раза превышают число авторов — выходцев из западной Болгарии и Македонии, вместе взятых.

Таблица 1

Место рождения авторов	Кол-во авторов	Кол-во изданных книг
Видин	1	1
Михайловградско ¹	1	3
Плевен	2	5
Враца	2	8
София и Софийско	2	5
Радомирско	1	2
Кюстендил и Кюстендилско	2	4
Станке Димитров и Станкедимитровско	6	16
Самоков	14	42
Всего	31	86

¹ В этой и других таблицах названия сел не указываются, а даются только названия бывших околий.

Еще более разительны различия в количестве книг, падающих на долю уроженцев отдельных областей (см. карту № 2). Если уроженцами западной Болгарии в рассматриваемый период было напечатано 86 книг, а уроженцами Македонии 92 книги¹⁷, то уроженцами восточной Болгарии за это же время было напечатано 1074 книги. Иными словами, общее число книг авторов из восточной Болгарии в шесть раз превышает число книг, изданных авторами западной Болгарии и Македонии, вместе взятыми.

Распределение авторов возрожденческих изданий по диалектным территориям¹⁸ выглядит следующим образом.

Из числа диалектов западной Болгарии в изучаемом отношении наиболее представительны некоторые юго-западные — самоковский, станкедимитровский, кюстендилский (см. табл. 1 и карты 1 и 2). Территория этих диалектов дала наибольшее число авторов (22 из 31 уроженца запад-

¹⁷ Издания уроженцев Македонии мы рассматриваем как издания на болгарском языке. В их языке нашли отражение различные особенности местных говоров Македонии, подобно тому как особенности других болгарских говоров (например, балканских) отразились в книгах уроженцев их территорий. Литературная обработка говоров Македонии в рассматриваемый период представляет собой часть общего процесса создания болгарского литературного языка, единого для всех областей болгароязычной территории — Мизии, Фракии и Македонии. Возможность такого рассмотрения языка книг, изданных уроженцами Македонии, допускают и те ученые, которые зарождение македонского литературного языка видят уже в книжной деятельности македонских авторов прошлого века. См., например: Н. И. Т о л с т о й. Страничка из истории македонского литературного языка, «Краткие сообщ. Ин-та славяноведения АН СССР», 43, 1965, стр. 18.

¹⁸ О современном делении народных говоров Болгарии см. в кн.: С. С т о й к о в, Българска диалектология, 2-е изд., София, 1968.

ной Болгарии), на долю которых приходится почти три четверти (62 из 86) книг. Среди этих авторов были и такие видные деятели Возрождения, как Х. Павлович (род. в Стажке Димитрове), К. Фотинов, Х. Сичан-Николов, книгоиздатель Н. Карастоянов (род. в Самокове), каждый из которых — особенно Х. Павлович и К. Фотинов — внес свою лепту в историю формирования литературного языка.

Относительно других западноболгарских диалектов (видинско-ломско-го, белослатинско-плеვენского, врачанского, софийского) можно сказать, что практически они не могли играть никакой роли в формировании литературного языка. Слишком мало было и число авторов из областей распространения этих диалектов (к тому же среди этих авторов не было особенно крупных писателей, учителей и др., за исключением, пожалуй, только К. Пишурки из Врацы) и количество изданных ими книг, чтобы данные диалекты могли наложить свой отпечаток на создававшуюся систему норм литературного языка.

Не менее разрознена и «география» авторов (см. табл. 2 и карты 1 и 2), представляющих основные македонские диалекты — скопско-велесский, прилепско-битольский, охридский, разложский. Македонские земли были родиной многих видных деятелей болгарского Возрождения, принимавших непосредственное участие в выработке общего для всех болгар литературного языка (Н. Рильский из Банско, К. Шапкарев из Охрида, П. Зографский из Галичника, Р. Жинзифов из Велеса и др.). Нужно отметить также, что из Македонии происходят и одни из первых авторов печатных болгарских изданий — К. Пейчинович (род. в Тетовско), И. Кырцовский (род. в Кичевско), а также издатели первого крупного сборника народных песен — братья Д. и К. Миладиновы из Струги.

Преобладающую часть авторов, как сказано выше, составляют уроженцы восточных областей Болгарии. На долю этих авторов приходится и преобладающая часть всей печатной книжной продукции эпохи Возрождения. Поскольку именно восточные говоры (точнее — часть их) составили основу литературного языка, на «географии» авторов из этих диалектных территорий необходимо остановиться подробнее.

О количественном распределении авторов по территориально-диалектной принадлежности и их изданий дают наглядное представление табл. 3 и карты 1 и 2.

Даже беглого взгляда на карты 1 и 2 и табл. 3 достаточно, чтобы убедиться в том, что большинство авторов и изданных книг падает на территорию балканских говоров. Как известно, в настоящее время эти говоры занимают обширную территорию восточнее границы *t*, охватывая значительную часть придунайской равнины и Добруджу, область Старой Планины и Средней Горы и большую часть Фракии. На севере они достигают Дуная, на юге — склонов Родопских гор, а на востоке почти доходят до Черного моря¹⁹. На территории этих говоров родились 179 авторов

Таблица 2

Место рождения авторов	Кол-во авторов	Кол-во изданных книг
Мелник	1	10
Баско	1	13
Струмица	1	4
Дойран	1	4
Штип	2	4
Скопско	1	17
Тетовско	1	2
Галичник	1	3
Кичевско	1	13
Велес	2	4
Охрид	3	10
Струга	2	2
Прилеп	1	1
Леринско	1	1
Кайларско	1	3
Ениджевардарско	1	1
Всего	21	92

¹⁹ С. Стойков, указ. соч., стр. 72 и сл., карта на стр. 291. Территориальное распространение других говоров дается ниже в соответствии с данными этого труда С. Стойкова.

Таблица 3

Диалект	Говор	Место рождения автора	Кол-во авторов	Кол-во изданных книг	
Мизийский		Шумен	4	23	
		Разград	2	7	
		Провадийско	2	8	
		Тырговиште	1	1	
		Русе	4	16	
Рупский		Жеравна	5	21	
		Хасковско	2	9	
		Адрианополь	2	2	
		Лозенград	1	3	
		Пазарджик и Пазар-джикско	4	34	
Балканский	центрально-балканский	Пештера	1	7	
		Батак	2	70	
		Пловдивско	2	5	
		Карлово	5	38	
		Калофер	15	46	
		Сопот	4	8	
		Троян	1	4	
		Трявна	5	14	
		Габрово и Габровско	13	29	
		Тырново и Тырновско	16	117	
		Горна Оряховица	1	1	
		Лясковец	11	62	
		Ловеч	3	4	
		Севлиево	2	4	
		Павликенско	1	3	
		Свиштов	14	25	
		Казанлык и Казанлыкско	11	40	
		котельско-еленско-дряновский	Котел	12	74
			Елена и Еленско	14	89
			Дряновско	1	1
		пирдопский	Копривштица	10	126
			Клисура	5	74
			Пирдоп	2	7
		панагюрский	Панагюриште и Панагюрско	12	46
		тетевенский	Тетевен и Тетевенско	2	14
подбалканский	Сливен	7	20		
	Стара Загора и Старо-загорско	9	18		
	Ямбол	1	1		
	Чирпан	2	3		
Всего			211	1074	

(из общего числа 211 в восточной Болгарии и 263 по всей Болгарии), которые издали 868 книг (из общего числа 1074 книги авторов восточной Болгарии и 1252 книги авторов всей Болгарии). Иными словами, с территории современных балканских говоров происходит в шесть раз больше авторов, чем с территории остальных восточноболгарских говоров, и в четыре раза больше, чем с территории западноболгарских и македонских говоров. Число книг авторов — носителей балканских говоров превышает в четыре с лишним раза число книг, изданных авторами — уроженцами территории других восточноболгарских говоров, и почти в пять раз превышает общее количество книг, изданных авторами западной Болгарии и Македонии. Если же сопоставить данные по территории балканских говоров со всей остальной болгароязычной территорией того времени, то ока-

жется, что территория балканских говоров дала авторов почти в два раза больше (179 при 84), чем все остальные диалектные зоны, а число книг этих авторов (868) в 2,2 раза больше общего числа книг (384), изданных всеми остальными болгарскими писателями на родном языке.

Что касается авторов — уроженцев территории других восточно-болгарских говоров — мизийских и рупских, то они, как это уже следует из сказанного, составляют незначительную часть общего числа восточно-болгарских авторов; незначительна и доля изданных ими книг.

Так, на территории мизийских говоров (Шумен, Разград, Русе, Провадия, Тырговиште, а также Жеравна — в центральной части Старой Планины²⁰) родились всего 18 авторов, издавших 76 книг. Среди них были и известные деятели Возрождения — писатели В. Друмев и Д. Войников из Шумена, учителя Р. Попович и С. Филаретов, активный участник церковной борьбы Т. Икономов из Жеравны и др. Однако литературная деятельность большинства из них протекала в основном в 60 и 70-е годы, когда вопрос о центрально-балканской диалектной основе литературного языка практически был уже решен и когда, следовательно, реальные возможности для утверждения иной, а данном случае — мизийской, диалектной основы в это время были уже довольно иллюзорны, особенно если иметь в виду незначительное число авторитетных писателей и других авторов книг, которые были бы в состоянии утвердить мизийскую диалектную основу для общеполитического литературного языка.

Еще меньше шансов стать основой литературного языка имели рупские говоры. Территория этих говоров (Хасково, Адрианополь, Лозенград, Пештера, Батак и включаемые сюда условно отдельные села Пловдивской и Пазарджикской околий) дала всего лишь 14 авторов, выпустивших в свет 130 изданий, значительная часть которых (96) приходится на долю только двух известных книгоиздателей — Н. Ивановича (род., вероятно, в с. Алджалий, Пазарджикско) и Д. Манчева (род. в Батаке).

Совершенно естественно, что и слабое представительство носителей мизийских и рупских говоров в общей массе болгарских книжных деятелей эпохи Возрождения и незначительный вес изданных большинством их книг не могли сколько-нибудь заметным образом противостоять утверждению балканских говоров в качестве основы литературного языка.

Посмотрим теперь, какое место в общем числе авторов — уроженцев территории балканских говоров занимают представители отдельных балканских говоров и каков удельный вес той книжной продукции, которая потенциально могла отразить особенности этих говоров. Среди авторов возрожденческой литературы есть уроженцы территорий всех балканских говоров, кроме ереческого.

Из балканских говоров территориально наиболее распространенным является центральный, или габровско-ловеческо-тройанский говор. Он охватывает территорию центральной части Старой Планины и Средней Горы. В ареале его распространения находится целый ряд городов, городков и крупных сел, расположенных по обоим склонам Старой Планины и на придунайской равнине: Тырново, Лясковец, Горна Оряховица, Свиштов, Ловеч, Севлиево, Троян, Карлово, Сопот, Калофер, Трявна, Габрово и др. Эти места дали болгарскому книгопечатанию в эпоху Возрождения 102 авторов, издавших в общей сложности 395 книг, — больше, чем ареал любого другого балканского и вообще любого иного болгарского говора. Это составляет немногим менее половины всех авторов печатных книг

²⁰ О принадлежности говора Жеравны к мизийским говорам см.: С. Стойков, указ. соч., стр. 76.

эпохи Возрождения и почти треть всех рассматриваемых книг, изданных в это время. Из табл. 3 видно, что один только Тырново с несколькими окрестными селами дал болгарскому Возрождению 16 авторов, т. е. всего на 5 авторов меньше, чем вся Македония (21), однако общее число книг (117) этих 16 авторов заметно больше числа книг (92), изданных всеми македонскими авторами. А 28 уроженцев только трех расположенных рядом городов — Тырнова, Лясковца и Горной Оряховицы — издали столько книг (180), сколько книг было издано всеми авторами из западной Болгарии и Македонии (178).

Важны, однако, не только количественные показатели, свидетельствующие о бесспорном преобладании в книгопечатании именно центрального балканского диалекта среди прочих диалектов, так или иначе нашедших свое отражение в литературе Возрождения. Не менее, если не более, важно и то, что именно из области распространения центрального балканского диалекта вышли многие крупнейшие деятели этого времени, оставившие глубокий след в истории болгарского книгопечатания и образования, в истории болгарской литературы и формирования современного литературного языка. Для примера укажем лишь наиболее известных авторов, родившихся на территории центрального балканского говора. В Габрове и его окрестностях родились: В. Априлов, Т. Бурмов; в Трявне — П. Сапунов; в Свиштове — Т. Икономов, братья К. и Д. Цанковы; в Тырнове — Петко Славейков, П. Кисимов, Т. Шишков; в Лясковце — П. Оджаков, Ц. Гинчев, П. Каляндж, И. Касабов, Т. Хрулев; в Карлове — И. Богоров, П. Радов; в Сопоте — К. Луков, И. Вазов; в Калофере — Н. Касапский, Д. Мутев, Е. Мутева, Б. Петков, Х. Ботев, Д. Паничков; в Казанлык — Х. Ваклидов, И. Найденов.

Заметный вклад в болгарское книгопечатание внесли и уроженцы территории котельско-еленско-дряновского и пирдопского говоров. Первый из них, ранее представлявший обширную диалектную целостность, в настоящее время — вследствие позднейшего передвижения населения — занимает незначительную территорию. Это говор Котела, Елены, Дрянова и окрестных селений. В ареале данного говора родилось 27 авторов — больше, чем было авторов в Македонии (21), и лишь немногим меньше числа авторов из западной Болгарии (31). Эти 27 авторов издали 164 книги, что только на 14 книг меньше общего числа книг, изданных уроженцами западной Болгарии и Македонии.

Котельско-еленско-дряновский говор был родным говором большого числа крупнейших деятелей болгарского Возрождения. Достаточно напомнить, что в Котеле родились автор первой болгарской печатной книги Софроний Врачанский и автор первой печатной книги на народном языке П. Берон. Здесь же родились выдающиеся борцы за национальное Возрождение и освобождение Неофит Бозвели и Г. Раковский и другие известные деятели прошлого века, например, Г. Крыстевич, А. Гранитский, С. Изворский. Елена и близлежащие селения были родиной одного из первых болгарских авторов-переводчиков С. Кипиловского и автора одной из лучших накануне Освобождения грамматик болгарского языка — И. Момчилова, а также С. Бобчева и других известных авторов.

Весомым был вклад в болгарское книгопечатание и представителей пирдопского говора, на котором говорят жители Клисур, Копривштицы, Пирдопа и соседних с ним сел. Всего территория этого говора дала 17 авторов (10 из Копривштицы, 5 из Клисуры и 2 из Пирдопа), выпустивших в свет 207 изданий, из которых 126 падает на долю копривштинцев, а 74 — на долю уроженцев Клисуры. Среди этих авторов много крупнейших деятелей болгарского Возрождения. Так, в Копривштице родился Н. Геров, Й. Груев, Л. Каразелов, в Клисуре — один из наиболее заслу-

женных книгоиздателей прошлого века Х. Данов, а также И. Блысков, Р. Блысков, М. Балабанов и др.

Менее заметный — по сравнению с указанными выше — след в болгарском книгопечатании до Освобождения оставили авторы, родным говором которых был панагюрский (Панагюриште и окрестные села). Таких авторов было 12, их перу принадлежит 46 изданий. Среди них есть и такие известные деятели, как С. Радулов и М. Дринов, а также В. Чолаков, Н. Бончев и др.

Обширная территория распространения современного подбалканского говора (районы Сливена, Старой Загоры, Новой Загоры, Чирпана, Бургаса) представлена в болгарском книгопечатании 19 авторами, издавшими 42 книги. Большая часть из них была родом из Сливена (7) и Старой Загоры (8). Среди них более известными были С. Доброплодный и Г. Миркович — автор хорошей грамматики (Сливен), Зах. Княжеский и А. Екзарх (Стара Загора).

Всего лишь двумя авторами была представлена территория тетевенского говора (Тетевен и окрестные села). Один из них — М. Кифалов — известен как переводчик книги Ю. И. Венелина «О зародыше новой болгарской литературы».

Приведенные данные свидетельствуют о том, что участие и роль авторов из восточной Болгарии в книгопечатании на болгарском языке и соответственно их потенциальные возможности утвердить восточное наречие в качестве основы литературного языка были несравненно более значительными, чем у авторов — уроженцев западной Болгарии и Македонии. Ясно, что балканские говоры восточноболгарского наречия оказались «вне конкуренции» при утверждении в качестве основы литературного языка. Подавляющая часть авторов, родным языком которых были именно эти говоры, и изданная ими литература, составляющая большую часть всех болгарских книг эпохи Возрождения, — наряду с некоторыми другими причинами — обеспечили балканским говорам сравнительно легкую победу. Ясно также и то, что в установлении норм современного литературного языка главную роль играли центральный балканский, а также котельско-еленско-дряновский и пирдонский (говор Копривштицы и Клисуры) говоры.